

П. Н. Киричек³

ОРБИТА КУЛЬТУРЫ: В ПЕРИГЕЕ — ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Орбита движения культуры как духовно-практической сферы жизнедеятельности общества имеет различные конфигурации в разных социально-экономических формациях. В каких условиях существует «вторая (рукотворная) природа» человека при капитализме, Карл Маркс видел воочию и утверждал с категоричной ясностью: «Капиталистическое производство

враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии»⁴. И к тому, чтобы опустить сферу культуры в точку перигея, в тогдашней повседневной жизни находились все объективные основания, заложенные в природе общественного строя с частнособственническим модусом бытия и адекватным ему типом сознания.

Известно, что в любом акте разумной деятельности людей наличествует возможность воспроизводства материальной и духовной культуры с целью самосохранения и развития человека, который испытывает постоянную потребность в соитии с первой (естественной) и второй (рукотворной) природой. При этом решающим условием успешности или неуспешности становится генеральный концепт общественного целеполагания и целедостижения: он связывается с ментальной

³ Профессор кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета «Дубна», доктор социологических наук. Автор 280 научных публикаций, в т. ч. монографий «Информационная культура общества» и «Информация в универсуме культуры», учебника «Этика массмедиа», курса лекций «Массовая информация в социокультурном управлении». Член Российского культурологического общества, Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Республики Мордовия.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1962. Т. 26, ч. 1. С. 280.

идентичностью народа и базируется на многомерном или одномерном центризме теоретических замыслов и практических действий власти.

Идеальным для устойчивого социального прогресса считается универсальный концепт, учитывающий многозначную сущность человека и соответствующий трем его ликам, трем ипостасям его личности, трем сферам его бытия — экономике, политике, культуре, а также трем подструктурам целостной структуры индивида — биогенезу, социогенезу, психогенезу. Однако при капитализме такого концепта в принципе быть не может: здесь безоговорочно доминирует «экономический центризм». А он редуцирует (упрощает) генерализованные формы бытия и сознания социума конвейерно воспроизводимым однообразием массовых меркантильных интересов и запросов, чего явно недостаточно для полноценной жизни человека. По всем канонам «общества потребления» экономикоцентризм односторонне педалирует главным образом биогенез в человеке и фактически замыкается на материальных началах его повседневной жизни, которые получают безусловный приоритет над духовными началами. В итоге все сферы повседневной деятельности общества и государства, в том числе культурная, образовательная, воспитательная, информационная, коммуникативная и др., приобретают материально-практический «флюю». Это делает общее социально-политическое устройство весьма уязвимым перед недовольством широких масс людей, недополучающих требуемого объема духовных ценностей и благ.

Экономикоцентризм общественной жизни представляет собой одномерный вариант идеолого-технологической конструкции бытия и сознания социума. И он никоим образом не отвечает универсальной (полифонической) природе человека, поскольку формирует крайне негативную тенденцию в периметре социокультурной динамики: в этом случае в общественной жизни постоянно воспроизводится ситуация перепотребления людьми материального начала и недопотребления ими духовного аналога. В результате постоянного, входящего в норму воспроизводства устойчивого профицита вещей и зеркального ему дефицита идей наносится большой урон процессу гармоничного развития страны и ее граждан. Неслучайно в наше время «общество потребления», где царствуют в умах нескончаемые товары, перестает быть безусловной общечеловеческой ценностью.

Экономическая узость бытия и сознания людского сообщества как не отвечающий многомерной природе личности принцип повседневной жизни в конечном итоге не выдерживает проверки временем и подвергается тотальному переосмыслению в имплицитной и эксплицитной формах массового сознания. В публичной сфере на повестку дня сейчас выходит критический дискурс рисков и угроз для человека со стороны либерально-олигархического экономикоцентризма, который российская власть и олигархат буквально насаждают в стране всеми доступными средствами с начала 1990-х годов. Россия второй раз в своей истории наступила на капиталистические грабли, причем главенствующим назначила финансово-банковский, а не про-

изводственный капитал, то есть поставила телегу впереди лошади. В культуре страна обратилась: а) к автономности духовной сферы жизни и ее переводу в русло либерализма; б) к минимальной «зависимости» науки и образования от расходной части госбюджета; в) к удалению большинства граждан из повседневности общественного (идейно-политического, трудового, нравственного) воспитания; г) к модернистскому подходу к «свободе» художественного и самодетельного творчества людей; д) к отлучению от государственной поддержки литературы, кино, театра, книгоиздания, качественной прессы, народных промыслов и др.

Сползание отечественной культуры с горы духовности в яму бездуховности не является чем-то неожиданным: корни этой негативной тенденции кроются в социальных причинах, а именно в духовно-практическом реверсе всей общественной жизни России с начала 1990-х годов по сегодняшний день. Есть объективно действующий закон равновесия между уровнем духовности общества и качеством культурного продукта, который еще никто не отменял. Для высоких идей и дел, которыми люди жили при социализме, требовались талантливые творцы и высокохудожественные произведения. И они появлялись по ментальному общественному заказу на повышающий вектор социализации граждан по канонам всесторонне развитой личности, что позволяло тогдашней культуре находиться в апогее развития.

Подводя итоги, можно сказать, что для общества XXI века требуется иной генеральный концепт целеполагания и целедостижения: если сам человек считается мерой всех вещей, значит, и сами вещи должны быть «очеловеченными» в унисон с его идентифицирующей и самореализующейся личностью. Этот концепт можно определить как социокультуроцентризм: в своей исходной посылке он не редуцирует, а, наоборот, диверсифицирует (усложняет) генерализованные формы бытия и сознания социума путем непрерывно воспроизводимого разнообразия материальных и духовных интересов и запросов, а также способов их удовлетворения. Он реально устраняет в повседневной жизни страны и ее граждан как материально-практический, так и духовно-практический «флюсы», при этом сводит материальное и духовное начала в единое гармонизированное целое, устраняя в зародыше возможный потенциал массового недовольства и поддерживая на оптимальном уровне социальное самочувствие людей.

Одномерный человек, как социокультурный объект и субъект (и, конечно, продукт), в современных условиях бытия становится анахронизмом. По прогнозу А. С. Панарина, «общая цивилизационная перспектива указывает нам на постэкономического человека — личность, в системе приоритетов которой на первое место выходят ценности культуры, духа, творческой самореализации, качества жизни. Симптомы присутствия постэкономического человека в России ощущались уже давно и, возможно, значительно сильнее, чем на Западе»¹. В XXI веке происходит полное становление многомерной личности, которая в большей степе-

¹ Панарин А. С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. С. 421–422.

ни соответствует реалиям постиндустриального общества. Последнее в силу когнитивной архетипичности напрочь отвергает идеологическую и технологиче-

скую односторонность и ограниченность бытия, какой бы она ни была — экономической или политической, материальной или духовной.